

о том или ином писателе особенностями его характера, личности (именно так неоднократно писали о Тредиаковском), «личным угодничеством»⁶ и тому подобными частными причинами.

Однако, как показал Л. В. Пумпянский в посмертно опубликованной работе, мораль сервиллизма, характерная для интеллигентов из бюргерства (применительно к России — интеллигентов из разночинцев), была в эпоху абсолютизма «общевропейским», «повально общим явлением». Своеобразную энциклопедию, «полный свод абсолютистской морали» представляла собой «Аргенида» Баркляя (1621) — «одна из влиятельнейших книг эпохи абсолютизма, настольная книга Ришелье. . . Но „Аргенида“ представляла и самую настоящую героизацию сервиллизма».

На русскую почву эту мораль из Европы занесли Юнкер и Штелин, академики — поэты немецкой «школы разума», «тень которой стояла над колыбелью русского классицизма».⁷ Из русских литераторов старшего поколения наиболее полно воспринял уроки европейской морали сервиллизма Тредиаковский, который последовательно воплощал их в реальной жизни и — что важнее — в литературной практике. С полной откровенностью Тредиаковский писал об этом уже в посвящении привезенного из Европы первого большого труда — перевода «Езды в остров Любви», обращаясь к князю А. Б. Куракину: «За высокую Вашего сиятельства ко мне милость, которую отечески в чужестранных краях изволили Вы мне противу чаяния моего показать и чрез несколько лет на ваших деньгах содержать, я восприемлю смелость ныне приписать сию новопреведенную мною книжку Вашему сиятельству в знак благодарного моего чюствия и сердца. . .»

После столь откровенного начала тема «щедрот», «милостей» (по преимуществу денежных) будет изливаться из-под пера Тредиаковского постоянно, до конца дней его — и в стихах (см., например, «Стихи. . . Анне Иоанновне по слове похвальном» 1732 г., «Оду благодарственную» Елисавете Петровне и т. д.), и в посвящениях теоретических трудов (см., например, посвящения «Разговора об орфографии», «Слова о витийстве» и пр.), и в многочисленных прошениях на имя императрицы, К. Г. Разумовского и т. д. Вполне закономерно поэтому, что именно Тредиаковскому принадлежит перевод «Аргениды» — так сказать, «теоретическое обоснование» литературного сервиллизма.⁸

В связи с вопросом о сервиллизме Тредиаковского нельзя не напомнить об одном историко-литературном заблуждении, касающемся интерпретации отношения Екатерины II к «Тиле-

⁶ XVIII век: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1935. С. 412.

⁷ Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 6—7.

⁸ Хотя произведение Баркляя в принципе было известно еще русским книжникам и литераторам конца XVII в., но фактом широкого литературного сознания оно стало в России лишь в переводе Тредиаковского.